

Зулай

Сайдутова

*заслуженный работник культуры
Российской Федерации
и Чеченской Республики*

БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ

*Светлой памяти моих родителей
и братскому казахскому народу посвящаю.*

Чем старше становится человек, тем чаще память возвращает его в детство, в тот островок человеческой души, которым он подпитывается на протяжении всей его жизни. А когда из жизни уходят те, кто тебя бережно растил на этом острове счастья, возникает непреодолимое желание рассказать о них, и о том, через какие испытания им пришлось пройти, словом, гордиться их силой духа через года.

Мне могут сказать: кого можно удивить гордостью за родителей?! Гордость гордостью, я же хочу рассказать о трагедии, связанной с преступным выселением Сталиным чеченского народа в Среднюю Азию в 1944 г., через своих родителей.

Когда я вспоминаю свое детство, чаще всего в моей памяти всплывает такая картина. Я вижу маму, сидящую на деревянном поднаре (деревянная тахта), с очень старой гармошкой в руках, под тихие звуки которой в тоске она переживает свою боль по утраченной родине, боль разлуки с родной матерью и сёстрами.

Отец мамы умер в ее раннем детстве. Преступный указ Сталина в те годы разлучил семьи близких родственников на долгие годы, а многих – и навсегда. Чётко в моей детской памяти запечатлелись слёзы мамы, которые катились по ее щекам в такие минуты.

Боль разлуки с родными, голод, холод, щемящая тоска по родине буквально косила спецпереселенцев в первый год выселения. Люди умирали целыми семьями по «дороге смерти» (так вайнахи прозвали дорогу, которую они проделали за тринадцать суток в холодных «товарняках» до Средней Азии).

Больше всего на этой «дороге смерти» умерло стариков и детей, которых на коротких остановках охранники эшелонов выносили и оставляли лежать на обочине дороги в снегу, а эшелоны с будущими потенциальными жертвами продолжали свой скорбный путь. В их числе была и моя мама с двумя малолетними моими братиками, к тому же мама ничего не знала о судьбе нашего отца, который накануне поехал проведать больного родственника в с. Ушкалой. И только в апреле 1944 г. отец воссоединился с семьёй, но в живых застал только маму и старшего сына.

У моего отца была инвалидность руки, и по этой причине его не взяли на фронт. А вот младший брат папы в это самое время сражался на фронте, а его родных и близких со всем чеченским народом изгнали с их исторической родины, обрекая на верную гибель.

После тринадцатидневной страшной «дороги смерти» эшелон товарняков, в котором находилась и моя мама с двумя ее мальчиками, остановился на станции Чиили Кзыл-Ординской области бывшей Казахской ССР.

Мама с содроганием рассказывала об этом отрезке той трагедии. Едва держась на ногах от слабости, мама с трудом вышла из этого жуткого вагона товарняка, держа младшего сына на руках, а второго – за руку.

Дети просто скулили, потому что сил громко плакать у них уже не было. Тем временем люди-призраки эшелона заполнили эту станцию.

Дул холодный порывистый ветер, который очень больно бил в лицо колючим снегом. Мама всегда повторяла, что это был очень колючий снег.

Поднялась жуткая метель. Людей погнали к длинному, как было видно, наспех построенному деревянному барaku. С большим трудом, проваливаясь в глубокий снег, мама с двумя малышами дошла до этого барака и забилась в нем в самый дальний угол.

В бараке стоял шум: кто-то громко рыдал, кто-то в голос читал молитву, кто-то просил помощи, чтобы подняться с колен на ноги. Раздавались призывы к терпению и смирению, прося помощи Аллаха.

Люди немного приутихли, когда в проёме барака появились два милиционера и несколько местных женщин и мужчин, среди которых выделялась старая женщина-казашка. Один из милиционеров стал что-то говорить, но маме не были слышны его слова.

Тем временем женщина стала обводить взглядом несчастных людей. Вдруг она что-то стала говорить одному из милиционеров, и тот рукой стал подзывать к себе маму.

Когда мама вспоминала этот эпизод, она делала глубокий вдох и несколько минут сидела с закрытыми глазами и молчала. Затем, громко выдохнув, продолжала: «Я сильно испугалась и, крепко прижимая к себе младшего сына и ведя за руку старшего, пробралась наконец к милиционеру».

Когда мама со своими малышами поравнялась с ними, всё тот же милиционер, указывая на женщину-казашку, сказал маме следовать за ней. В тот же миг казашка поманила к себе сидящего у мамы на руках малыша. На удивление мамы маленький Чолха (так ласкательно звали моего братика, настоящее имя его было Умар-Хьяжа) пошёл к ней на руки. Затем милиционер сказал маме, что Апа забирает её с малышами к себе.

«Так по воле Аллаха эта добрая казашка спасла меня и моих детей от холода и голода», – часто повторяла моя мама, вспоминая о годах высылки.

Первое, что сделала мама, переступив порог комнаты тётки Апы, она, рыдая, стала громко читать молитву, воздавая хвалу Аллаху, который в лице этой доброй женщины послал ей и ее двум детям спасение. Тётя Апа приблизилась вплотную к маме и тоже стала произносить эту же молитву. Как по команде обе женщины обнялись и громко произносили то, что дорого и понятно каждому мусульманину.

Затем тётя Апа вышла в сени и вскоре вернулась в комнату с большой теплой лепешкой и пиалой с молоком. Комната сразу наполнилась таким вкусным за-

пахом печеного хлеба, который мама помнила всю свою жизнь. Она повторяла, что ничего вкуснее она не припоминает в своей жизни.

Моя мама плохо говорила на русском языке, а тётя Апа и вовсе не знала русского языка. Но их накрепко объединил язык веры и добра – мусульманская религия.

Тётя Апа оказалась удивительно доброй и заботливой женщиной. Она смотрела за мамиными малышами как за родными, с большой любовью забываясь о них.

Спустя многие годы, уже на своей исторической родине, моя мама напевала своим уже внукам колыбельные напевы тётки Апы и всегда повторяла: «До чего задушевные казахские народные напевы».

Тётя Апа обивала пороги комиссии по размещению спецпереселенцев, и в апреле, благодаря ее усилиям, мой папа воссоединился с семьёй. А спустя какое-то время тётя Апа помогла папе устроиться в лесхоз Кзыл-Ординской области ст. Чиили.

Всё это время мама не могла установить местонахождение своей матери и сестёр. Тогда подобные трагедии переживала каждая вторая семья спецпереселенцев (так называли всех депортированных).

У спецпереселенцев сложилась традиция в воскресенье выходить на местные базары, которые были единственным источником информации в поисках разлученных родственников.

Мама тоже стала посещать базары, пытаясь узнать хоть что-то о своих родных и близких. В один из дней она подошла к толпе, в центре которой стоял мужчина и отвечал на вопросы собравшихся. Вдруг мама услышала чётко произнесённое им имя Селимат. Что он говорил дальше, было плохо слышно. Расталкивая людей, буквально протиснулась к нему. И уже навзрыд произнесла: «Вы только что произнесли имя Селимат, так звали мою маму». Мужчина остановился на полуслове и, сделав паузу, тихо сказал: «Как ты похожа на свою маму», и едва заметно слеза блеснула в его глазах. В этот день моя мама узнала подробности кончины своей матери. Говорят же, беда не приходит одна... В тот день заболел младший из моих братиков, которого не удалось спасти. Чолхи не стало.

Это был тяжёлый период для моих родителей. Тётя Апа стала родным человеком. «Она была истинной мусульманкой», – часто повторял мой немногословный отец.

Лишения, голод, холод провоцировали среди депортированных разные болезни и эпидемии. В разгар эпидемии тифа заболела и моя мама. Она выжила благодаря Аллаху и заботе и выхаживанию её тётки Апой и её двумя замечательными внучками – Кинжакул и Сауле. Внучкам тётки Апы было за двадцать лет, а моей маме в ту пору было двадцать четыре года. Когда мама стала выздоравливать, девочки брали маму под руки и выводили на свежий воздух, при этом рассказывая ей историю своей семьи. От них и узнала мама, что сын Апы и невестка погибли в Караганде на шахте. И тогда сестра Апы перевезла её с внучками сюда, в Кзыл-Ординскую область, на станцию Чиили. Слушая рассказы внучек тётки Апы, мама отвлекалась от своих тяжёлых мыслей и переживаний.

Воспоминания о пережитом в страшной депортации мама всегда заканчивала словами: «Если среди живущих на земле людей бывают святые, то тётя Апа – одна из них».

Мои родители после восстановления автономии ЧИАССР в числе первых вернулись на историческую родину, прибавив к спасённому тётёй Апой братику четырёх дочерей, чьей родиной стал Казахстан, принявший и обогревший вайнахский народ. Казахский народ как спаситель моего народа останется в его памяти навечно.

Р. С. Незадолго до своего ухода из этого мира мама смотрела телевизор, шёл концерт артистов чеченской филармонии. Объявили выход народного артиста РСФСР и ЧИАССР Валида Дагаева. Полились звуки домбры, а следом зазвучали задушевные казахские народные песни. Певец пел на казахском языке.

Кстати, Валид Дагаев хорошо владел казахским языком и очень гордился этим.

В репертуаре этого певца всегда звучали казахские песни. Я помню, как в этот момент у мамы по щекам текли слезы. Это были слезы бесконечной благодарной памяти. А ещё мама очень любила замечательную казахскую певицу Розу Рымбаеву. Мама повторяла: «Она очень похожа на Сауле, внучку тётёи Апы».

От себя говорю: «Живи и процветай, родной Казахстан, ведь я родилась на твоей благодатной земле».

